

Д. Д. Гримм

Воспоминания

ИЗ ЖИЗНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОВЕТА

1907–1917 гг.

Давид Гримм

**Воспоминания. Из
жизни Государственного
совета 1907–1917 гг.**

«Нестор-История»

1929–1930

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

Гримм Д. Д.

Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907–1917 гг. /
Д. Д. Гримм — «Нестор-История», 1929–1930

ISBN 978-5-4469-1198-1

Воспоминания профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) «Из жизни Государственного совета 1907–1911 гг.» долгое время не были известны исследователям. Ценные записи были обнаружены лишь в конце 1990-х гг. при разборе рукописей в Национальном архиве Эстонии в Тарту. Мемуары были написаны в 1929–1930 гг. в Эстонии. Они охватывают широкий круг сюжетов, связанных с историей органов высшей государственной власти Российской империи, парламентаризма, борьбы за академические свободы. Они рисуют портреты выдающихся политических и общественных деятелей (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова, А. Ф. Кони, П.А. Столыпина, В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского и др.), раскрывают особенности мировоззрения имперских элит на фоне переломных событий истории (революция 1905–1907 гг... Первая мировая война, революционные события 1917 г.). Издание рассчитано на специалистов и всех тех, кто интересуется историей Российской империи начала XX в.

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-4469-1198-1

© Гримм Д. Д., 1929–1930
© Нестор-История, 1929–1930

Содержание

Профессор Давид Давидович Гримм и его время	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Давид Гримм
Воспоминания: Из жизни
Государственного совета 1907–1917 гг

Институт всеобщей истории РАН
Национальный архив Эстонии в Тарту

Исследование подготовлено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект 16–31 -01046а2 и гранта Президента Российской Федерации (МК-4739.2016.6)

© Д.Д. Гримм, наследники, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Профессор Давид Давидович Гримм и его время М. В. Ковалев

Имя профессора Давида Давидовича Гримма (1864–1941) не слишком хорошо известно сегодня, хотя и забытой фигурой его назвать нельзя. Ему повезло менее других современников и коллег по научному окружению, вроде В. И. Вернадского, М. М. Ковалевского, А. С. Лаппо-Данилевского, М. М. Новикова, С. Ф. Ольденбурга, удостоившихся жизнеописаний¹. Подробная биография Гримма до настоящего времени не была написана, а его воспоминания даже в период «мемуарного бума» 1990–2000-х гг., когда впервые увидели свет или были переизданы произведения многих видных деятелей императорской России, так и не были опубликованы.

О Давиде Давидовиче Гримме, разумеется, упоминали в трудах по истории российских университетов, парламентаризма и политических партий, но почти всегда вскользь. Его, как ректора Санкт-Петербургского университета, неизменно вспоминали в контексте борьбы за академические свободы в России, но опять же без должных подробностей. Справедливости ради скажем, что уже в наши дни были переизданы некоторые его научные работы², ученые-юристы по-прежнему цитируют его исследования по римскому праву³. Фигура Гримма начинает все больше привлекать внимание исследователей⁴.

Его биография весьма типична для российских немцев XVIII–XIX вв., игравших огромную роль во внутренней жизни империи. Предки Д.Д. Гримма происходили из Северных Нидерландов. Его прапрадед Генрих Ульрих Готфрид Гримм, выходец из Гронингена, прибыл в Россию в 1764 г., в начале екатерининской переселенческой политики. Он осел в Саратовском Поволжье, где в мае 1765 г. вместе со своими соотечественниками создал колонию Лесной Карамыш, получившую, впрочем, по имени своего основателя, второе название – Гримм.

Г. Гримм слыл человеком образованным и уважаемым, а потому одновременно был форштегером (старостой) и шульмейстером, писарем и фельдшером. К моменту приезда в Рос-

---

¹ *Малинов В.А., Погодин С.Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Погодин С.Н.* Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005; *Казанович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006; *Аксенов Г.П.* Вернадский. М., 2010; *Ульянчикова Т.И.* Михаил Михайлович Новиков. 1876–1964. М., 2015.

² См.: *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права. М., 2003; *Он же.* Соотношение между юридическими институтами и конкретными отношениями // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликс-совича Шершеневича. М., 2005. С. 303–323.

³ *Бышков П.А.* Права на чужие земельные участки в римском праве // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2010. № 3. С. 9–10; *Марей А.В.* Понятие INIURIA в постклассическом римском праве // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 14(76). С. 248; *Сулейманова С. А.* Временные пределы гражданской правоспособности физического лица // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2013. № 2(35). С. 111, 119; *Корищников П.Н., Петрова Ю. А.* Состояние российского кооперативного законодательства и организация жилищного накопительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 108–109; *Матвеева С.Д.* Формирование конструкции мировой сделки в римском частном праве // Известия Тульского государственного университета. Сер. Экономические и юридические науки. 2015. № 3–2. С. 135, 138, и др.

⁴ *Алексеева Т.А.* Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 6(239). С. 199–208; *Николаев А.Б.* Д.Д. Гримм – комиссар Временного комитета Государственной Думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142–147; *Томсинов В. А.* Давид Давидович Гримм (1864–1941) // Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 222–252; *Поцелуев Е.Л.* Теория правонарушения и ее российские последователи во второй половине XIX в. // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1(34). С. 292–307; *Шор Т.К., Ковалев М.В., Воронежцев А. В.* Давид Давидович Гримм и его воспоминания // Историческая память и стратегии российско-немецкого межкультурного диалога. Саратов, 2015. С. 72–92; *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Гримм и барон М. А. Таубе: два взгляда на академические свободы // Там же. С. 93–109; *Ковалев М.В., Мирзаханов В. С.* Давид Давидович Гримм // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19–33; *Ковалев М. В.* Профессор Д.Д. Гримм и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174–183; *Он же.* Профессор Д. Д. Гримм в эмиграции // История и историческая память. Саратов, 2016. Т. 13–14. С. 82–92; *Он же.* «...Мы живем в такое время, когда и небываемое бывает». Февральская революция глазами профессора Д.Д. Гримм // Отечественные архивы. 2017. № 2. С. 91–105.

сию у него уже было трое сыновей. Четвертый, и последний, Генрих Вильгельм Себастьян, родится уже в Поволжье 29 июля 1769 г.⁵ От него и пойдет ветвь Гриммов, которая даст России несколько блестящих ученых и архитекторов.

Будущий профессор и общественный деятель появился на свет 11 января 1864 г. (по старому стилю) в Санкт-Петербурге и 9 марта 1864 г. был крещен в евангелическо-лютеранской церкви Святого Петра под именем Давид-Иоанн-Фридрих⁶. Его отцом был знаменитый архитектор, академик, надворный советник Давид Иванович Grimm (1823–1898). Он, немец и лютеранин, прославился как один из создателей «русского стиля», как сторонник «византизма» в архитектуре, и заслужил уважение со стороны властей. Д. И. Grimm в 1866 г. составил проект постройки часовни в Ницце в память умершего великого князя Николая Александровича. Он же спроектировал православный Крестовоздвиженский собор в Женеве, за что получил благодарность от императора в январе 1867 г., и Владимирский собор в Херсонесе. 24 ноября 1873 г. Давид Иванович был пожалован в тайные советники за труды по сооружению памятника Екатерине Второй в российской столице⁷.

Круг общения Д. И. Grimma включал весь цвет петербургской интеллектуальной среды. Не удивительно, что его дети с ранних лет дышали творческой атмосферой, которая во многом предопределила их жизненные пути. Примечательно, что два брата Давида Давидовича – Герман (1865–1942) и Эрвин (1870–1940) – тоже добьются больших творческих успехов. Первый продолжит дело отца и станет архитектором, второй избрет для себя научную стезю, занявшись всеобщей историей.

Д. Д. Grimm учился в знаменитой гимназии К. И. Мая, созданной по инициативе нескольких петербургских немецких семей в 1856 г. Это было едва ли не лучшее учебное заведение столицы, отличавшееся особой атмосферой интеллектуальной свободы и творческих исканий. В нем обучались как отпрыски знатных аристократических фамилий, так и выходцы из либерально-интеллигентской среды⁸. Гимназия давала блестящее гуманитарное образование, и именно она привила Д. Д. Grimmу глубокие познания латинского языка, которые пригодятся ему в ученой карьере. Он прилежно учился и на выпускных экзаменах получил отличные оценки по всем предметам. В его свидетельстве о зрелости говорилось: «на основании наблюдений за все время обучения..., поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ примерная, прилежание отличное и любознательность выказал к истории и древним языкам...»⁹ В гимназии К. И. Мая учились и два его брата – Эрвин и Герман. Любопытно, что по проекту последнего в 1910 г. будет построено новое четырехэтажное здание гимназии на 14-й линии Васильевского острова¹⁰.

В августе 1881 г. Давид Давидович Grimm подал документы на юридический факультет Санкт-Петербургского университета¹¹. Это было время расцвета русской юридической науки. Общественный статус юриспруденции необычайно возрос, и его не смогли поколебать даже

⁵ Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 404–405.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 3.

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 11. Д. 78. Л. 5 об., 6 об., 7 об. О Д. И. Grimme см. подробнее: Иванова Е.Б. Давид Grimm // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века / Сост. В.Г. Исаченко. СПб., 1998. С. 433–446; Гейдебрехт Г. Вклад немецких архитекторов в формирование «русского» стиля XIX – начала XX веков // Немцы России и СССР, 1901–1941: Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 139–141; Лейнонен Р., Фогт Э. Архитекторы и художники Санкт-Петербурга // Немцы в Санкт-Петербурге: Сборник статей / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2008. С. 209–210.

⁸ См.: Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. Историческая хроника. Ч. I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб., 2005.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 10–10 об.

¹⁰ Об истории взаимоотношений семьи Гриммов и гимназии см. подробнее: Благово Н.В. Указ. соч. С. 92, 452.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 1.

контрреформы Александра III. Напротив, сама власть осознавала важность подготовки квалифицированных правоведов, потребность в которых остро ощущалась госаппаратом. В России стремительно формировалась юридическая элита, чему способствовала хорошая постановка специального образования. Преподавание права, особенно международного, шло на высоком уровне, не уступающем европейскому. Имена таких ученых как, например, Федор Федорович Мартенс (1845–1909), были известны далеко за пределами страны¹².

В университете Д.Д. Grimm учился прилежно, основательно, и потому на выпускных экзаменах получил исключительно отличные оценки. По представлению диссертации он был признан достойным ученой степени кандидата, и на основании пункта 4 § 42 общего Устава российских университетов 1863 г. был утвержден в этой степени Советом Санкт-Петербургского университета 30 мая 1885 г.¹³

Приказом № 1 по Министерству юстиции от 7 января 1886 г. Д.Д. Grimm был определен на службу в IV Департамент Правительствующего сената, ведавший гражданскими делами. 12 февраля 1886 г. он был утвержден в чине коллежского секретаря¹⁴. Но проработал Д.Д. Grimm в Сенате недолго. Еще 7 апреля 1886 г. он был прикреплен к кафедре гражданского права для подготовки к профессорскому званию, правда без стипендии¹⁵. Университет возлагал на него определенные надежды и желал в будущем видеть в рядах своих сотрудников. В ноябре 1887 г. Д.Д. Grimm был переведен на службу в Министерство народного просвещения, что было связано со следующими обстоятельствами.

В 1885 г. была утверждена новая программа для юридических факультетов, усиливавшая роль римского права. По верному замечанию С. А. Карцова, российские власти полагали, что римско-правовые познания благотворно отразятся на подготовке юристов и утверждают представления о ценности незыблемого правопорядка, о необходимости постепенного, без потрясений, развития общественных и правовых институтов. Вместе с тем существовала потребность в подготовке юристов для западных окраин империи, где исторически была укоренена римская правовая традиция¹⁶. Однако эти устремления выявили нехватку преподавательских кадров. Тот же С. А. Карцов отметил, что привычная практика оставления на кафедре способных выпускников для подготовки к педагогической работе растягивалась на несколько лет и поэтому не была способна в скором времени удовлетворить потребность в специалистах. Необходимо было искать новые пути, но при этом не допустить снижения квалификации будущих юристов. Это прекрасно понимали и в Министерстве народного просвещения, глава которого, Иван Давыдович Делянов (1818–1897), сам был ученым-правоведом.

В ноябре 1886 г. по договоренности российского правительства с Берлинским университетом при последнем были созданы Временные курсы по римскому праву (затем – Институт римского права), ориентированные на подготовку специалистов из России. Георгий Константинович Гинс (1887–1971) позднее писал об этих стажерах: «Они проходили суровую школу науки. Немецкие ученые подчиняли строгой научной дисциплине своенравный славянский ум»¹⁷. Отбор кандидатов на обучение происходил на основе отзывов видных отечественных правоведов. В числе первых стажеров оказался Д. Д. Grimm, которого рекомендовал Николай

¹² О роли юридического факультета Петербургского университета в интеллектуальной жизни империи см.: *Ростовцев Е.А., Баршнев Д.А., Сосницкий Д.А.* Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819–1917): опыт коллективной биографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 14. Право. Вып. 4. С. 112–127.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 40.

¹⁴ *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 402.3.526.16 р.

¹⁵ *Rahvusarhiiv Tartus*. ЕАА. 2100.2.150.48.

¹⁶ *Карцов А. С.* Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. *Ivs antiquum*. М., 2003. № 2 (12). С. 120–121.

¹⁷ *Гинс Г. К.* Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого. 1892–1927 г. // Известия Юридического факультета. Харбин, 1928. Т. 5. С. 4.

Львович Дювернуа (1836–1906), профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета. И действительно, он, человек способный, обладавший хорошими познаниями латинского языка, к тому же этнический немец и лютеранин, подходил в качестве стажера. 10 декабря 1887 г. приказом № 15 по Министерству народного просвещения Д. Д. Grimm был командирован в Берлин на два года¹⁸. Молодой юрист учился у крупнейших немецких правоведов Генриха Дернбурга, Альфреда Перница и Эрнста Экка¹⁹. Под их влиянием он приобрел необходимые навыки исследовательской работы, познакомился с достижениями европейской науки. Современники небезосновательно называли Д.Д. Гримма «типичным добросовестным ученым немецкой выучки»²⁰. Именно с учебы в Германии началась его ученая карьера.

Grimm вернулся в Россию 3 августа 1889 г. и тут же получил приглашение на работу в Дерптский университет. Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграл его дядя Оттомар Фридрихович Мейков (1823–1894)²¹, который тоже был юристом, и тоже занимался римским правом. В 1872–1876 гг. он был деканом юридического факультета, а затем был избран ректором Дерптского университета, и занимал этот пост до 1881 г. (вторично О.Ф. Мейков будет ректором в 1890–1892 гг.). Кроме того, Давиду Давидовичу вероятно благоволил попечитель Дерптского учебного округа Михаил Николаевич Капустин (1828–1899). Он был видным русским правоведом, специалистом в сфере международного права и ко всему прочему успешным администратором, хорошо зарекомендовавшим себя на посту директора Рукавишниковского приюта, а затем и Демидовского юридического лицея в Ярославле. На службу в Дерпт он был назначен в 1883 г. Время его работы в Прибалтике пришлось на период активной русификации, в том числе образовательной системы. Дерптский университет постепенно переводился на русский язык. Выполняя распоряжение Министерства народного просвещения, Капустин искал новых преподавателей для чтения лекций по-русски. Он вспомнил о Grimme, недавнем берлинском стажере, и предложил министру И.Д. Делянову назначить его приват-доцентом римского права, назвав «наиболее желательным и пригодным» для университета из числа других кандидатов²². Министр прошение поддержал, и с 6 сентября 1889 г. Давид Давидович Grimm был официально назначен приват-доцентом по кафедре римского права с окладом в 2.000 рублей в год²³. Увы, о его деятельности в этот период сохранилось не так много свидетельств. Сухой казенный язык личных дел из архива не дает возможности написать ее многоцветную картину. Но именно в этот период произошли большие изменения в его личной жизни. 17 мая 1891 г. он женился на Вере Ивановне Дитятиной (1858–1930), урожденной Гольденберг, вдове ординарного профессора Дерптского университета Ивана Ивановича Дитятина (1847–1892)²⁴. Супруга Grimma к моменту их бракосочетания находилась на четвертом месяце беременности, и 4 ноября 1891 г. родила сына Ивана (1891–1971). Давид Давидович в январе 1892 г. обратился с прошением усыновить пасынка и дать ему свое отчество²⁵. Санкт-Петербургский окружной суд на основании представленных документов просьбу удовлетворит, и 1893 г. в метрической книге Князь-Владимирского собора на Петербургской стороне будет сделана запись, что родителями Ивана являются Д.Д. Grimm и В. И. Grimm²⁶. 26

¹⁸ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 402.3.526.16 p.

¹⁹ Томсинов В. А. Давид Давидович Grimm (1864–1941). Биографический очерк // Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 21

²⁰ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. М., 1993. Т. XXII. С. 301.

²¹ Мать Д.Д. Grimma – Эмилия-Елена (1839–1896) – была его родной сестрой.

²² Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 384.1.3325.1–1 p.; EAA. 402.3.527.1A.

²³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 384.1.3325.2,3; EAA. 402.3.526.1.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 13, 15 об.

²⁵ Там же. Л. 20.

²⁶ Там же. Л. 21.

февраля 1894 г. у Давида Давидовича и Веры Ивановны родится сын Константин²⁷. Отметим, что дети ученого, как и его супруга, будут исповедовать православие, в то время как сам он всегда будет оставаться лютеранином.

Пребывание Гримма в Дерпте оказалось недолгим. 24 августа 1891 г. он обратился с прошением о переводе к директору Императорского училища правоведения, находившегося в ведении Министерства юстиции: «Узнав о том, что кафедра Римского права в Императорском Училище Правоведения в настоящее время не замещена, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство соблагovolить войти с ходатайством о поручении мне преподавания Римского права с зачислением службы в Императорском Училище Правоведения»²⁸. Ректор Дерптского университета О. Ф. Мейков не возражал, и уже с 1 сентября 1891 г. приват-доцент Гримм, произведенный в мае 1890 г. в титулярные советники, приступил к работе²⁹. Можно предположить, что возвращение в столицу было связано с переводом туда из Дерпта М.Н. Капустина, который в 1891 г. занял пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и одновременно стал инспектором классов в Училище правоведения. Работа в этом учебном заведении, безусловно, считалась престижной. Одновременно Д. Д. Гримм завершал работу над диссертацией «Очерки по учению об обогащении»³⁰, начатую еще в Дерпте, и которую он намеревался представить в Санкт-Петербургский университет. Защита фундаментального исследования состоялась 29 ноября 1891 г., после чего Давид Давидович был утвержден в степени магистра римского права³¹. Это событие открыло ему дорогу к преподаванию в стенах *alma mater*. Ему вновь помог Капустин, который как попечитель учебного округа ходатайствовал о допущении молодого юриста к чтению курса лекций о спорных вопросах римского права в качестве приват-доцента университета. В то же время Гримм заявил о себе и на чиновничьем поприще, где его знания оказались чрезвычайно востребованы. 20 декабря 1893 г. он был принят на службу в Кодификационный отдел Государственного совета, а с 1 января 1894 г. приказом Государственного секретаря причислен к Государственной канцелярии³² с откомандированием для занятий в Отделение свода законов³³.

Параллельно Гримм продолжал чтение лекций в Императорском училище правоведения, где 11 января 1894 г. был произведен в экстраординарные профессора. Но этим педагогическая деятельность Давида Давидовича не ограничивалась, и 20 августа 1895 г. он был назначен штатным преподавателем Военно-юридической академии с оставлением во всех прежних должностях. Там он читал курсы «Энциклопедия права» и «История философии права»³⁴. Чем можно объяснить такую активность: работу сразу в нескольких учебных заведениях, да еще и исполнение чиновничьих обязанностей? Ответ, кажется, прост – потребностью в финансах. Как показал немецкий историк Томас Бон, материальное положение преподавателей высшей школы оставляло желать лучшего. Приват-доценты не получали штатного жалования, а опла-

²⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 2.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 3, 6 об.; Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 402.3.526.10,11,15; EAA. 402.3.527.3; EAA. 402.3.526.17 p.

³⁰ Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Дерпт, 1891. Вып. 1–2; СПб., 1893. Вып. 3.

³¹ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.48; ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 17.

³² Государственная канцелярия Российской империи – канцелярия Государственного совета, состоявшая из отделений. С 1906 г. в ее состав входили отделения: личного состава и общих дел, первое по делам законодательства, второе по делам законодательства, финансов, общего собрания, свода законов и отделения, управлявшие делами двух особых присутствий. Через канцелярию проходили дела, требовавшие рассмотрения в Государственном совете. Они поступали на имя государственного секретаря и распределялись по соответствующим отделениям канцелярии для подготовки рассмотрения в соответствующих департаментах Государственного совета. Государственная канцелярия занималась также оформлением журналов заседаний департаментов и общего собрания, составлением извлечений из них для царя.

³³ Ibid. Примечательно, что защита Д.Д. Гримма состоялась 29 ноября 1891 г., а допущен к чтению лекций он был 26 ноября. Таким образом, М.Н. Капустин ходатайствовал за Д.Д. Гримма еще до его официальной защиты.

³⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.13 p.; ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 27–27 об.

чивались из особого фонда. И даже профессоров незначительность заработной платы в университете вынуждала искать дополнительную работу. Поэтому даже такие выдающиеся ученые, как В. О. Ключевский, читали лекции в разных учебных заведениях³⁵.

В Санкт-Петербургском университете Д.Д. Grimm быстро завоевал должный авторитет. С сентября 1899 г. он исполнял обязанности секретаря юридического факультета, а 4 декабря того же года приказом министра народного просвещения был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора по кафедре римского права. В это время Grimm активно работал над докторской диссертацией, что потребовало у него в марте 1900 г. оставить службу в Государственной канцелярии. Его упорные труды были вознаграждены, и 24 сентября 1900 г. он защитил докторскую диссертацию «Основы учения о юридической сделке в современной доктрине пандектного права»³⁶. Обретение ученой степени сулило Давиду Давидовичу повышение статуса и продвижение по службе. Отметим, что его карьера развивалась поступательно, вполне в духе времени, в соответствии с установленной иерархией. 1 января 1894 г. Д.Д. Grimm получил свою первую государственную награду – орден Святого Станислава III степени³⁷. В феврале 1896 г. он был награжден орденом Святой Анны III степени³⁸. 13 сентября 1899 г. Д.Д. Grimm был произведен из коллежского в статские советники³⁹. В мае 1899 г. руководство Военно-юридической академии представило его к ордену Святого Станислава II степени, который он получит уже в следующем году⁴⁰. 1 января 1907 г. он удостоен ордена Святого Владимира IV степени⁴¹.

С 18 декабря 1900 г. Grimm был утвержден в должности экстраординарного профессора Санкт-Петербургского университета, а уже в сентябре того же года переведен в обычные профессора по кафедре римского права и одновременно назначен деканом юридического факультета. Студенты любили и уважали его. Сергей Никифорович Драницын, учившийся в университете в начале XX в., в своих мемуарах называл Гримма «ярким представителем юридической школы» и автором «очень интересных лекций по догме римского права»⁴². С января 1901 г. Давид Давидович стал ординарным профессором и в Императорском училище правоведения, а с августа 1904 г. – еще и инспектором классов⁴³. Трудно понять, как он справлялся со всеми обязанностями, и как мог совмещать столько должностей в разных местах. Впрочем, огромные нагрузки дали о себе знать, и 15 сентября 1904 г. профессор попросил освободить его от должности декана юридического факультета. В конце октября 1905 г. он уволился из Училища правоведения⁴⁴.

Думается, что такие изменения были связаны с большой вовлеченностью Д.Д. Гримма в общественно-политическую жизнь. В 1905 г. он вступает в ряды кадетской партии, в декабре того же года делегируется Советом Санкт-Петербургского университета для участия в совещаниях по университетской реформе. Идея реформы высшей школы занимала его давно. Давид Давидович выступал последовательным поборником академических свобод. Из-за своих взгля-

³⁵ Бон Т. Русская историческая наука (1880–1905 гг.). Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005. С. 38–41.

³⁶ Grimm Д.Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1. СПб., 1900. Даже недруги Д.Д. Гримма, вроде Б.В. Никольского, которые накануне защиты называли его работу «импотентной диалектикой» и «пустопорожним изложением», в итоге были вынуждены признать, что свою работу он «защитил блистательно» (Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 1. С. 375, 425).

³⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 3 об.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 32.

³⁹ Там же. Л. 51.

⁴⁰ Там же. Л. 46–47; РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 5 об.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 100; РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 7 об.

⁴² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1448. Оп. 1. Д. 182. Л. 57.

⁴³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.48 p.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 3849. Л. 104.

дов он еще в 1890-х гг. попал в поле зрения Департамента полиции. На студенческой вечеринке 8 февраля 1895 г. в честь годовщины основания Санкт-Петербургского университета тогда еще приват-доцент Grimm произнес речь о важности народного образования и необходимости академических свобод: «Но теперь... нас всячески стесняет вмешательство министерства и правительства, и для того, чтобы образование можно было направить так, как нам желательно, как мы находим нужным для блага народа, нужно добиться права открыто и свободно говорить то, что мы считаем нужным и полезным»⁴⁵.

Несмотря на оппозиционность взглядов Grimm, Министерство народного просвещения ценило его как талантливого администратора и человека, способного вести диалог с представителями разных общественных лагерей. Поэтому в сентябре 1906 г. по предложению министра он вновь был назначен деканом юридического факультета, что, вероятно, побудило его в ноябре 1906 г. окончательно оставить работу в Военно-юридической академии. Ставка чиновников на Д.Д. Grimm выглядит не случайной. Это было непростое время в истории российских университетов, охваченных студенческими беспорядками и интеллектуальным брожением. Дипломатичность профессора, его стремление к мирному разрешению конфликтов исключительно в рамках правового поля могли оказаться полезными. Авторитет и влияние Д.Д. Grimm не вызывали сомнений даже у его оппонентов. 8 февраля 1907 г. он был избран членом Государственного совета от Академии наук и российских университетов⁴⁶. С работой в этом органе будет неразрывно связана его жизнь в ближайшие несколько лет. Давид Давидович станет одним из лидеров так называемого «левого крыла» в Совете. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), также бывший депутатом, заслуженно характеризовал своего коллегу как «человека стойких убеждений» и «авторитетного юриста»⁴⁷.

1 января 1910 г. Д.Д. Grimm был произведен в действительные статские советники⁴⁸. Вершиной его университетской карьеры стало избрание ректором Санкт-Петербургского университета 1 марта 1910 г. По иронии судьбы в сентябре того же года пост министра народного просвещения занял Лев Аристидович Кассо (1865–1914). Ровесник Grimm, тоже юрист, тоже воспитанник немецких правоведов и тоже преподававший в Дерпте, он был его полной противоположностью. Новый министр повел жесткую и бескомпромиссную политику, направленную на полное подчинение университетов. С точки зрения Д.Д. Grimm, подобные меры лишь обостряли взаимоотношения власти и образованного общества. Поэтому Л. А. Кассо стал для него живым воплощением административного произвола, с приходом которого «наступила эра бессмысленного, преступного разрушения русских университетов»⁴⁹. Конфликт между министром и ректором не заставил себя ждать.

В 1911 г. российские университеты поразила черная полоса. В начале января с подачи Кассо были подготовлены министерские циркуляры, ограничивавшие права студентов⁵⁰. В профессорской корпорации власти увидели прямого вдохновителя их политических действий, невзирая на то, что политические позиции университетских советов можно было охарактери-

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Дп. ОО. Оп. 227. Д. 431. Л. 1об. Интересно, но в годы студенчества Д.Д. Grimm, кажется, не проявлял большого интереса к общественной жизни. Во всяком случае, в его личном деле зафиксировано, что за время обучения «не принимал никакого участия в каких бы то ни было противозаконных проявлениях, обнаруживающих неуважение к закону или к установленным властям и правилам» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21676. Л. 31).

⁴⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 7 об.

⁴⁷ Ковалевский М.М. Моя жизнь. М., 2005. С. 390.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 8 об.

⁴⁹ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.27.

⁵⁰ Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX века) // Расписание перемен: очерки по истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР. М., 2012. С. 72–73.

зовать как умеренные⁵¹. Отсюда вытекала мысль о необходимости полного контроля над университетами, заключавшегося в свертывании автономии. В действиях властей университеты усмотрели прямое нарушение академических свобод. В знак протеста против административного произвола 28 января 1911 г. ректор Московского университета Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929) подал в отставку. За ним последовали другие представители университетской администрации. В феврале 1911 г. о своем добровольном уходе заявили выдающиеся ученые: В. И. Вернадский, А. А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Д.М. Петрушевский, К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев и многие другие. Министр Л. А. Кассо удовлетворил 131 прошение об отставке⁵². Ушедших профессоров, занимавших свои должности на выборной основе, заменяли назначенными министерством людьми, которые получили в интеллектуальных кругах малопочетное прозвище «кассовцы»⁵³.

В Петербурге обстановка также накалялась. Grimm всеми силами пытался удержать ситуацию в руках и не допустить репрессивных мер. Но действия министерства лишь усугубляли ситуацию. Много лет спустя профессор вспоминал на страницах мемуаров: «Я пишу это в полном сознании ответственности за каждое сказанное мною слово. Мне, как тогдашнему ректору Петроградского университета, истинное положение в университете и общее настроение профессуры было совершенно ясно. Я не стану утверждать, что среди профессоров и, в частности, среди т[ак] называемых младших университетских преподавателей не было вовсе безответственных элементов, горячих голов, не отдающих себе отчета в серьезности положения. Мне самому приходилось некоторых из них удерживать от необдуманных шагов. Но я определенно утверждаю, что подавляющее большинство профессуры и младших преподавателей, независимо от политической окраски, было абсолютно лояльно и ставило жизненные интересы университета вне всяких политических симпатий и антипатий»⁵⁴. Студенты прибегли к забастовке в знак протеста против действий Кассо. Они прервали занятия, распылив зловонные жидкости и газы. Grimm такие действия решительно осуждал и считал категорически недопустимыми. Когда в конце января 1911 г. в коридорах университета появились красные флаги и антиправительственные лозунги, он распорядился прекратить учебный процесс, чтобы не допустить расширения беспорядков и неминуемого подавления их полицией⁵⁵. И хотя Д. Д. Grimm в своих действиях руководствовался ст. 17 гл. II Университетского устава 1884 г., которая давала ректору право в чрезвычайных обстоятельствах принимать все необходимые меры для поддержания порядка в университете, даже если эти меры будут превышать его полномочия⁵⁶, однако Кассо встретил предпринятые шаги крайне негативно. Он потребовал от ректора Grimma немедленно отменить распоряжение о прекращении занятий и возобновить их под контролем полиции⁵⁷. 30 ноября 1911 г. университет вновь был открыт, но радикально настроенные студенты попытались сорвать лекции. В дело вмешалась полиция, арестовав 400 человек. Университет остался под охраной и в последующие недели, жизнь в нем замерла, число студентов стало минимальным, и профессора порой читали лекции в полупустых аудиториях. Радикальная часть студенчества опустилась до публичных оскорблений в адрес уважаемых ученых, например Сергея Александровича Жебелева (1867–1941) и Михаила Иванович Ростовцева (1870–1952), обвиняя их в конформизме. Grimm тяжело переживал все происхо-

⁵¹ Дмитриев А.Н. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город (начало XX века). М., 2009. С. 123.

⁵² Авру с А. И. История российских университетов: очерки. М., 2001. С. 41; Иванов А.Е., Кулагина И.П. Русская профессура на рубеже XIX–XX веков // Российская история. 2013. № 2. С. 52.

⁵³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.30.

⁵⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.29.

⁵⁵ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 24.

⁵⁶ Общий Устав Императорских российских университетов 1884 года. Харьков, 1911. С. 11.

⁵⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.65.

дящее и страдал от собственного бессилия. По воспоминаниям, он вышел к студентам со слезами на глазах и сказал, что его власть в университете кончилась, отныне все решает полиция⁵⁸. После январских событий Давид Давидович прекратил всякое личное общение с Л. А. Кассо и продолжал контакты лишь письменно⁵⁹. В начале февраля Grimm встретился с Петром Аркадьевичем Столыпиным (1862–1911) и попросил, чтобы полиция без его разрешения не появлялась в коридорах. Премьер четкого ответа не дал, но просьбе ректора затем внял⁶⁰.

Испытывая постоянное давление со стороны властей и не видя возможности дальше исполнять обязанности ректора, Grimm в сентябре 1911 г. подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. Он был оставлен на должности ординарного профессора, а новым ректором в декабре был избран его брат, профессор-историк Эрвин Давидович Grimm, согласившийся на этот шаг лишь после долгих уговоров коллег⁶¹. Однако на этом противостояние Давида Давидовича Grimma и Льва Аристидовича Кассо не закончилось.

Одной из форм давления на профессию со стороны Министерства народного просвещения стал перевод неугодных лиц в провинциальные университеты. Замещение кафедр на конкурсной основе было фактически ликвидировано. Теперь их стали занимать исключительно в порядке личного назначения министром⁶². Д.Д. Grimm вместе с коллегами попытался воспрепятствовать назначению профессорами юридического факультета лояльных министерской линии В. М. Грибовского и С. П. Никонова. Однако он потерпел неудачу. Не помогла даже поддержка премьер-министра Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), который в силу специфики формирования правительства не имел возможности избавиться от скандального Кассо, как не имел вообще права самостоятельно формировать кабинет министров⁶³. Свои взгляды на действия министра и его соратников Д.Д. Grimm в 1913 г. обобщил в статье «Видимая законность и скрытое усмотрение»⁶⁴. Открытый демарш профессора переполнил чашу терпения Кассо, и он перешел к открытой борьбе с бывшим ректором. Практическую работу в этом направлении он возложил на своего заместителя (товарища) барона Михаила Александровича Таубе (1869–1961), тоже юриста. Таубе, как человек умный, образованный, проницательный, прекрасно понимал изъясны российской бюрократической системы, но, будучи встроением в нее, не пытался что-либо менять и чему-то активно противостоять. Он избрал для себя путь политического конформизма, который явно вызывал непонимание у многих университетских коллег, в том числе у Grimma. Давиду Давидовичу было не понятно, как мог вчерашний университетский профессор, наделенный огромными способностями, пойти против своей alma mater, против коллег и студентов. В своих мемуарах много лет спустя он даст барону весьма нелицеприятную оценку: «Верным помощником министра [Л. А. Кассо] во всем, что он делал для разложения Петроградского университета, служил его товарищ, барон М. А. Таубе, сам бывший профессор Петроградского университета, избранный на эту должность тем же юридическим факультетом, которому он впоследствии тщательно помогал наносить удар за ударом. По внешности он представлял прямую противоположность Л. А. Кассо. Сам министр

⁵⁸ *Ананьев Б.В.* И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007. С. 109–110; *Ростовцев Е. А.* 1911 год в жизни университетской корпорации (власть и Петербургский университет) // Кафедра истории России и современная отечественная историческая наука. СПб., 2012. С. 494.

⁵⁹ *Rahvusarhiiv Tartus.* EAA. 2100.2.150a.66.

⁶⁰ *Ростовцев Е.А.* Указ соч. С. 495. О ректорстве Э. Д. Grimma см. подробнее: *Беляева О.М.* Академическое сообщество Петербургского университета в ректорство Э.Д. Grimma: конфликты в профессорской среде // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 215–235.

⁶¹ Там же. С. 501.

⁶² *Rahvusarhiiv Tartus.* EAA. 2100.2.150a.34.

⁶³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. Париж, 1933. Т. II. С. 130; *Воронезцев А. В., Ковалев М. В.* Жизненный путь графа В.Н. Коковцова // Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 14–16.

⁶⁴ *Grimm Д.Д.* Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Кн.2. С. 271–288.

был весьма внушительного роста, барон Таубе – ниже среднего. Это подало неунывающим россиянам повод говорить: “Министр у нас Кассос, а товарищ его – Малокассос”. Умственно он был много ниже его. В нравственном отношении он являлся достойным партнером своего шефа»⁶⁵.

В конце июля 1913 г. Д.Д. Grimm отдыхал на живописном баварском курорте Фишен-им-Альгой. Там его застала весть о готовящихся переменах со стороны Министерства народного просвещения. Барон М.А. Таубе уведомил его в письме о переводе из Петербургского университета в Демидовский юридический лицей в Ярославле. Желая предотвратить удар, профессор написал ответное послание с четким и последовательным изложением своей позиции. Его копия сохранилась в архиве историка М. А. Дьяконова, близкого друга Д.Д. Grimma, с которым он мог вести откровенные и доверительные беседы⁶⁶. Само письмо, наполненное отсылками к различным правовым актам, да и сам его стиль – официальный, тяжеловесный, но в то же время очень емкий – говорит о причастности автора к юридической науке и о том, что право было для него превыше всего. В своем небольшом письме Grimm хорошо обрисовывал ключевые проблемы в сфере народного просвещения и образовательной политике России в начале XX в. Профессор выступил против готовящегося перевода и свой отказ мотивировал тем, что ярославский лицей не пользуется правом участия в выборах в Государственный совет. Таким образом, он лишится профессорского ценза, а значит, своего членства в Совете⁶⁷. Министерство этого и добивалось. Но позиция Д. Д. Grimma была столь прочно аргументирована, что от перевода в Ярославль пришлось отказаться. Вместо этого 3 августа 1913 г. Кассо издал приказ о назначении Давида Давидовича в Харьковский университет⁶⁸. В то время, когда либеральная интеллигенция и умеренные консерваторы выражали сочувствие Grimmу, крайне правые деятели не скрывали своего ликования. Характерна реакция ученого-юриста Бориса Владимировича Никольского (1870–1919), ревностного охранителя и черносотенца, люто ненавидевшего Давида Давидовича и одновременно пытавшегося занять его место на кафедре. В своем дневнике 11 августа 1913 г. он сделал следующую запись: «Grimma Кассушка шаркнул в Харьков. Во-первых, это давно было необходимо сделать, и наказание вполне заслужено; а во-вторых, у меня мелькнула мысль – чем бы я не хорош для Петербурга? Grimmа положение пиковое: не ехать в Харьков – уходить из Государственного совета. Поедет, поедет. А не поедет – еще хуже. А как ему ехать в Харьков, когда он должен в Государственном совете заседать? Убийственный ход»⁶⁹.

Давний недруг очень точно отразил в своей злопыхательской заметке суть дилеммы, вставшей теперь перед Grimmом: ехать ли в Харьков или же подать в отставку в знак протеста, как это сделали в аналогичных случаях его либеральные коллеги М.Я. Пергамент и И. А. Покровский. Д.Д. Grimm не желал доставить удовольствие Л. А. Кассо своей отставкой и автоматическим выбытием из членов Государственного совета. Он решил остаться профессором, но в Харьков не ехать, попросив о переводе из штатных в сверхштатные ординарные профессора без содержания, дабы дать другому кандидату возможность быть избранным на его место, а сам намеревался продолжить депутатскую работу в столице⁷⁰. Тем самым он, соблюдая все

⁶⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.72. Примечательно, что в своих воспоминаниях, созданных на закате жизни, М.А. Таубе будет характеризовать Д.Д. Grimma как «хотя и левого, но весьма уравновешенного и справедливого» человека (*Таубе М. А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917)*. М., 2007. С. 15).

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 173. Л. 39 – 39 об.

⁶⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.38.

⁶⁸ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49.

⁶⁹ *Никольский Б. В.* Дневник. 1896–1918. СПб., 2015. Т. 2. С. 143.

⁷⁰ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.39,49; *Ковалев М.В.* Профессор Д.Д. Grimm и барон М.А. Таубе: два взгляда на академические свободы. С. 105; *Он же.* Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. С. 174–183.

правовые нормы, ставил Кассо в затруднительное положение. Действительно, министру потребовалось полгода, чтобы найти возможность нанести новый удар своему оппоненту. В январе 1914 г. Гримма обвинили в систематическом отсутствии на рабочем месте, в том, что он не объявлял и не читал лекции в течение учебного года. 31 января 1914 г. Кассо послал ему письмо, сообщив об увольнении: «...Я считаю долгом уведомить Ваше превосходительство, что министерство народного просвещения, в устранении такого, совершенно недопустимого отношения к своим обязанностям, решило ныне уволить Вас от означенной, лишь формально занимаемой Вами, должности с причислением к министерству народного просвещения»⁷¹. Увольнение профессора Гримма вызвало большой общественный резонанс. По верному замечанию Ф.А. Гайды, оно взбудоражило и возмутило даже многих правых в Государственном совете⁷². Нина Сергеевна Платонова (1886–1942), дочь знаменитого историка, писала своим родителям 4 февраля 1914 г.: «Об отставке Давида Гримма я много читала в газетах и вынесла из всего прочитанного впечатление, что отставка эта является полнейшим беззаконием, превышением власти со стороны Кассо. Не возможен ли в таком случае благополучный для Гримма исход дела?»⁷³

О своем решении Л. А. Кассо незамедлительно известил Государственный совет. Рассмотрение вопроса о дальнейшем членстве Д.Д. Гримма в нем было поставлено на 7 марта 1914 г. Накануне вечером, 6 марта, на квартире М. М. Ковалевского на Моховой улице собралась группа единомышленников из числа членов Совета, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию⁷⁴. Увы, конкретные подробности беседы установить пока не удалось. Не исключено, что во время встречи были достигнуты конкретные договоренности, ибо уже на следующий день результаты тайного голосования в Совете оказались для сподвижников Кассо полной неожиданностью. Накануне министр поручил Таубе лично проконтролировать процесс лишения Д.Д. Гримма мандата. Тот специально пришел на заседание Государственного совета и наблюдал за происходящим из правительственной ложи. Барон был уверен в принятии нужного министерству решения и говорил одному из членов совета: «Мы его уволили, а они должны признать его выбывшим»⁷⁵. Однако результаты тайного голосования оказались для М. А. Таубе полной неожиданностью: 56 членов выступили за вывод Давида Давидовича из совета, а 98 – против. Такого сокрушительного поражения Министерство народного просвещения не ожидало. Барону оставалось лишь в спешке удалиться. Гримм же воспринял случившееся не только как личную победу, но как торжество гражданских начал над властным произволом: «Это был серьезный симптом и серьезное предостережение. В Государственном совете стало просыпаться чувство гражданственности, идущее на смену психологии угодничества. Дальнейших попыток к изъятию выборных членов Совета более не было сделано»⁷⁶. Д.Д. Гримм продолжит работу в Государственном совете вплоть до краха Российской империи. К сожалению, дорога в родной университет для него оказалась закрытой, хотя преподавательской деятельности он не прекратил.

23 сентября 1914 г. на конференции Императорского Александровского лицея большинством голосов против одного Д.Д. Гримм был избран преподавателем энциклопедии права, и уже на 27 сентября была заявлена его вступительная лекция⁷⁷. Вероятно, тут не обошлось

⁷¹ ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 414. Л. 1-1об.

⁷² Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 333.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 3861. Л. 8 об.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1655. Л. 6.

⁷⁵ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.44.

⁷⁶ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a.45.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. И. Оп. 1. Д. 3578. Л. 1–3.

без помощи благоволившему к нему В.Н. Коковцова, выпускника лицея и его попечителя⁷⁸. Параллельно Grimm читал курс вексельного права в Петровском коммерческом училище.

В годы Первой мировой войны профессор занял патриотическую позицию. 20 сентября 1914 г. он писал своему коллеге, известному юристу-международнику В.Э. Грабарю: «Живем мы здесь все исключительно под знаменем войны, – все мысли и чувства, и желания – все там, и трудно наряду с этим заниматься своими текущими делами – где бы и когда ни встретились – все разговоры вращаются ок[оло] войны. Прошла неделя сбора белья, в которой, между прочим, принимала большое участие жена...»⁷⁹. Оба профессорских сына будут призваны в ряды действующей армии, и младший – Константин – погибнет на фронте.

Тяготы военного времени и назревавший кризис в очередной раз убедили Д.Д. Гримма в необходимости достижения общественного консенсуса. Он призывал своих коллег к политической ответственности и одновременно упрекал власть за непоследовательность действий, министерскую чехарду и фаворитизм. Д.Д. Grimm был сторонником формирования «правительства народного доверия», которое, по его мнению, могло бы обеспечить общественное согласие и снять напряженность в стране⁸⁰. В 1915 г. он был избран в ЦК партии кадетов, выражал поддержку Прогрессивному блоку⁸¹. Но события развивались по иному сценарию. В своих воспоминаниях профессор ярко описал нарастание оппозиционных настроений в стране и разочарование в верховной власти. Поэтому падение монархии стало для него не неожиданностью, а закономерным итогом бездействия и безответственности власти. В 1917 г. его общественно-политическая активность была чрезвычайно высока.

Распоряжением Временного комитета Государственной 2 марта 1917 г. Д.Д. Grimm был назначен комиссаром над Государственной канцелярией и иными учреждениями, располагавшимися в Мариинском дворце. В тот же день он прибыл туда и провел собрание с чиновниками. Как установил А. Б. Николаев, на этой встрече решались организационные вопросы, такие как охрана здания, выписка пропусков, покрытие текущих расходов⁸². Ими же Д.Д. Grimm занялся в последующие дни. На собрании 4 марта он объявил об отстранении от должности государственного секретаря Сергея Ефимовича Крыжановского (1862–1935). Grimm, однако, нельзя упрекнуть в желании разогнать прежнюю бюрократию. Свои обязанности он исполнял аккуратно, желая снизить политический накал и найти компромисс. Эту отличительную черту его деятельности отметил в своих мемуарных записках юрист Мстислав Владимирович Шахматов (1888–1943): «Когда заместителем Государственного секретаря был назначен профессор Д.Д. Grimm, он старался соблюсти все деловые традиции Государственной канцелярии. Все высшие и низшие чины остались на своих местах вплоть до товарища Государственного секретаря Н.Ф. Дерюжинского включительно. Чинов Государственной канцелярии, лишенных своих занятий вследствие уничтожения Государственного совета, Д.Д. Grimm стал определять для делопроизводства в вышеупомянутые новые учреждения: Особое совещание по выборам в Учредительное собрание, Юридическое совещание и Предпарламент. В помощь чинам Государственной канцелярии были переведены в Мариинский дворец также некоторые чины Канцелярии Государственной Думы»⁸³. Фактически Д.Д. Grimm теперь стал государственным секретарем. Следует согласиться с точкой зрения А. Б. Николаева, предпо-

⁷⁸ Интересно, что о покровительстве В. Н. Коковцова прямо говорится в юбилейной статье в честь 70-летия профессора Д.Д. Гримма, написанной видным эстонским правоведом Эрнстом Эйном (1898–1956). См.: Ein E. Prof. D. D. Grimm elukaik ja teaduslik tegevus // Oigus: juriidiline ajakiri. 1934. № 6. L. 284.

⁷⁹ Kasikirjade ja haruldaste raamatute osakond Tartu Ulikooli Raamatukogu. 38.1.289.1.

⁸⁰ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150a. 153.

⁸¹ Милоков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 185.

⁸² Николаев А. Б. Указ. соч. С. 142.

⁸³ Шахматов М.В. Последние дни Мариинского дворца и Петрограда. Прага, 1927 г. / Публ. М.В. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2005. Т. XIV. С. 691.

жившего, что Временный комитет, направив профессора в Мариинский дворец, поручал ему создать условия для возобновления работы Государственного совета, председатель которого, И. Г. Щегловитов, находился под арестом. Причем предполагалось сделать ставку на выборных членах Совета, которые поддержали Думу⁸⁴. Свою миссию Д.Д. Grimm выполнил, сумев заручиться поддержкой многих видных общественно-политических деятелей. Председатель Временного правительства⁸⁵ князь Г. Е. Львов 7 марта 1917 г. выписал на имя профессора удостоверение, свидетельствующее, что он является комиссаром правительства по Государственной канцелярии и учреждениям, состоящим при ней и при Государственном совете, а также по Канцелярии по принятию прошений⁸⁶. Однако официальная информация о назначении относится только к 16 марта⁸⁷. Комиссаром он пробудет до 7 апреля. Тем же указом от 16 марта 1917 г. профессор Grimm сделан товарищем министра народного просвещения А. А. Мануйлова по делам высшей школы (причем обязанности ему предписывалось исполнять начиная с 7 марта)⁸⁸.

5 марта 1917 г. распоряжением Временного правительства была создана Чрезвычайная следственная комиссия, ставившая целью расследование действий бывших высокопоставленных имперских чиновников, включая министров. Во главе ее встал известный московский адвокат Николай Константинович Муравьев (1870–1936)⁸⁹. Состав комиссии несколько раз менялся, но в числе первых членов оказались видные общественные и научные деятели – С. В. Завадский, С. В. Иванов, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Родичев, Н.Д. Соколов, Е. В. Тарле, П. Е. Щеголев. Д. Д. Grimm также вошел в число ее участников. Его участие в работе комиссии не кажется активным. Однако он примет участие в допросе А. И. Гучкова 2 августа 1917 г., интересуясь у него подробностями отречения Николая II, и П.Н. Милюкова 4 и 7 августа⁹⁰. Редактором стенографических отчетов согласился быть великий поэт Александр Александрович Блок (1880–1921), приступивший к своим обязанностям в мае 1917 г.⁹¹ 5 августа 1917 г. ему будет поручено заведовать литературным редактированием всех стенограмм допросов⁹². В этом качестве он будет контактировать с Д. Д. Grimmом, который предложит поэту в помощники искусствоведа Михаила Васильевича Бабенчикова (1890–1957)⁹³. Думается, что взаимо-

⁸⁴ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 144.

⁸⁵ Временное правительство – высший орган государственной власти и управления в России со 2 (15) марта по 25 октября (7 ноября) 1917 г. Образовано Временным комитетом Государственной думы по соглашению с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов на период до созыва Учредительного собрания. В правительство первого состава вошли Г. Е. Львов (председатель и министр внутренних дел), лидер кадетов П. Н. Милюков (министр иностранных дел), лидер октябристов А. И. Гучков (военный и морской министр), прогрессист А. И. Коновалов (министр торговли и промышленности), М. И. Терещенко (министр финансов), эсер А. Ф. Керенский (министр юстиции) и др. Программа включала амнистию по политическим и религиозным делам, введение демократических свобод, всеобщего избирательного права, реформу местного самоуправления, замену полиции милицией, уничтожение политического сыска, проведение выборов в Учредительное собрание. Местными органами власти Временного правительства были губернские и уездные комиссары.

⁸⁶ Там же. С. 145.

⁸⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. И об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. I. Л., 1924. С. V. О работе комиссии и ее председателе см. подробнее: Варфоломеев Ю.В. Закон и трепет: очерк деятельности Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Саратов, 2006; *Он же*. Николай Константинович Муравьев: адвокат, политик, человек. Саратов, 2007.

⁹⁰ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VI. Л., 1926. С. 277, 304, 341, 346.

⁹¹ Емельянов Ю.Н. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова: сборник статей / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2012. С. 344–365.

⁹² Блок А. А. Дневники // Блок А. А. Собр. соч. Т. VII. М. – Л., 1963. С. 295, 300, 302.

⁹³ Там же. С. 297; Бабенчиков М.В. Отважная красота // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 160.

отношения Гримма и поэта Блока еще нуждаются в специальном изучении, равно как и роль профессора в Чрезвычайной следственной комиссии.

Д. Д. Grimm вошел в состав Комиссии по реформе высшего образования при Министерстве народного просвещения Временного правительства. Она была создана 21 марта 1917 г., во главе ее встал крупный профессор-зоолог Михаил Михайлович Новиков (1876–1964), а его заместителем стал историк Иван Михайлович Гревс (1860–1941). Среди других известных ученых, ставших членами комиссии, следует назвать минеролога и петрографа Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, востоковеда С. Ф. Ольденбурга, языковеда и археолога Н.Я. Марра, правоведа М.Я. Пергамента, историка М.И. Ростовцева и др. Комиссия за короткое время проделала огромную работу, распорядившись, среди прочего, открыть университеты в Иркутске, Тифлисе, Ташкенте, преобразовать Ярославский Демидовский лицей в университет, расширить университет в Саратове за счет открытия новых факультетов, открыть Омский сельскохозяйственный институт, разработать предложения по совершенствованию медицинского образования и др.⁹⁴

Будучи товарищем министра народного просвещения, Grimm участвовал в подготовке циркуляров, реформировавших университеты на основе соблюдения принципов законности и академических свобод. Так, 15 апреля высшим школам предоставили право самостоятельно устанавливать способы замещений вакантных должностей. В мае ректорам предложили уволить профессоров, назначенных после 27 августа 1905 г. без рекомендаций факультетов и советов.

Указом Временного правительства от 8 мая 1917 г. на основании закона от 26 декабря 1916 г. Grimm был назначен сенатором первого Департамента Правительствующего сената⁹⁵. Но в составе правительства он продержался лишь до 4 июля. Профессор поддерживал линию П. Н. Милюкова, скептически относившегося к идее коалиционного правительства с участием социалистов. Заметим, что министр народного просвещения Мануйлов испытывал не меньшее разочарование и вообще стал выступать за отставку Временного правительства в полном составе⁹⁶. Видимо, Grimm разделял взгляды кадетских лидеров на украинский вопрос. Поэтому, когда в знак протеста сделанным киевской Центральной Раде уступкам три министра-кадета, включая Мануйлова, шли в отставку, Д. Д. Grimm последовал за ними. С 4 июля 1917 г. профессор был освобожден от обязанностей товарища министра и от председательствования в совещании товарищей министров⁹⁷.

8 мая на основании закона от 26 декабря 1916 г. Grimm назначен сенатором первого Департамента Правительствующего сената и затем оставался им вплоть до прихода к власти большевиков⁹⁸. 9–12 мая Давид Давидович принимал участие в VIII съезде Кадетской партии и вновь был избран в состав ее Центрального комитета, наряду с П. Н. Милюковым, В. И. Вернадским, А. А. Кизеветтером, П. И. Новгородцевым, В.Д. Набоковым и др. Указом Временного правительства Правительствующему сенату от 18 июля 1917 г. Grimm назначен членом Юридического совещания при правительстве⁹⁹. В августе Давид Давидович в качестве одного из делегатов от высших учебных заведений России принимал участие в Государственном совещании в Москве. Именно ему утром 14 августа было доверено произнести речь от лица академической группы. В ней профессор, обрисовав тяготы переживаемого момента, призвал всех сограждан возвыситься над партийными и классовыми интересами. Он указывал, что

---

⁹⁴ Ульянкшина Т.И. Указ. соч. С. 74–77.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. И об.

⁹⁶ Катков Г. М. Февральская революция. М., 2006. С. 412.

⁹⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 51. Л. 12 об.

⁹⁸ Там же. Л. И об.

⁹⁹ Там же. Л. 13 об.

именно нравственный упадок прежней власти привел страну к кризису и крушению монархии. Выучив этот урок, новому правительству следовало стать подлинно единым и общенародным. Оно должно «восстановить расшатанную военную и гражданскую дисциплину, воспитывать в народе чувство правды и законности, бороться со всякими явлениями захвата и произвола»¹⁰⁰. Но добиться всего этого, по его убеждению, могла только по-настоящему культурная и просвещенная власть, которая одной из главных задач поставила бы интеллектуальное и моральное просвещение народа. Д. Д. Grimm призывал сограждан забыть прежние взаимные обиды и сплотиться вокруг единой цели: «Возьмемся бодро за труд. Возродим в нашей душе чувство законности, тягу к тому, что составляет истинную и великую сущность русского народного духа к водворению правды божией в делах человеческих. В надежде на то, что Временное правительство твердо станет на этот путь, деятели русской науки готовы поддерживать его всеми своими личными жертвами и трудом»¹⁰¹. 20 сентября 1917 г. Grimm как представитель кадетов вошел в состав так называемого Предпарламента. Он был создан Демократическим совещанием в качестве совещательного органа для представительства всех политических партий вплоть до созыва Учредительного собрания.

Пафос выступлений Давида Давидовича и его необычайная активность вполне понятны. Он, как и многие российские интеллектуалы в то время, был охвачен эйфорией обновления, ощущением своей причастности к коренным историческим переменам в России. Правда, реальность вновь оказалась не такой, как мечтали, и вскоре профессор в этом убедится.

Даже в это трудное время Д. Д. Grimm продолжал заниматься преподавательской деятельностью. После своего ухода из правительства он вернулся в Петроградский университет. Приказом Министерства народного просвещения № 96 от 4 июля 1917 г. он был утвержден ординарным профессором по кафедре римского права¹⁰². Параллельно продолжил работу и в Александровском лицее. 12 октября министерство утвердило его в звании заслуженного профессора, которое давало право на пенсию, равную должностному окладу¹⁰³.

Захват власти большевиками стал для Д. Д. Grimm большой неожиданностью. Его он категорически отказывался признавать. К сожалению, на основе известных источников крайне трудно восстановить картину жизни профессора в этот период. Какое-то время он продолжал работать в университете. Так, 5 марта (20 февраля) 1918 г. на заседании юридического факультета он был избран в состав юридической испытательной комиссии, которая должна была заседать с 1 апреля (19 марта) по 1 июля (19 мая) и с 15 сентября по 1 декабря 1918 г. Народный комиссариат просвещения определил его пенсию в размере 3.600 рублей в год¹⁰⁴. Жизнь Д. Д. Grimm в Петрограде была трудной. Старый недруг Б. В. Никольский однажды встретил его холодной февральской зимой 1918 г. и не преминул позлорадствовать: «Сегодня видел в трамвае Grimm – седого, голодного, ободранного, поганого... Нет, подлецы, возмездие вам еще впереди, коли вы не переколеете!»¹⁰⁵

Большевики с явным недоверием относились к Grimm. В начале сентября 1919 г. он был арестован и около шести недель провел в заключении¹⁰⁶. Оставаться дальше в Петрограде было небезопасно, и Grimm принял решение бежать из Советской России вместе с семьей. В феврале 1920 г. он при помощи друзей пересек границу с Финляндией. В его личном деле появилась краткая запись: «Выбыл из состава профессоров Единого Петроградского Университета 28

¹⁰⁰ Государственное совещание / Под ред. М.Н. Покровского. М. – Л., 1930. С. 96.

¹⁰¹ Там же. С. 97.

¹⁰² РГИА. Ф. 1405. Он. 528. Д. 51. Л. 12 об.

¹⁰³ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49.

¹⁰⁴ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49 p.

¹⁰⁵ *Никольский Б. В.* Дневник. Т. 2. С. 333. Правда, желчный и мстительный Б.В. Никольский «переколеет» раньше Д.Д. Grimm – 11 июня 1919 г. он будет расстрелян большевиками как активный деятель Союза русского народа.

¹⁰⁶ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli Collection, 1915–1944. Box 16. Fold. 30.

февраля 1920 г.»¹⁰⁷. Так начался период многолетней эмиграции и окончательного расставания с Родиной, о котором сам профессор не мог тогда предполагать.

Поселившись в Хельсинки, он стал активным участником антибольшевистского движения, активно контактировал с петроградским подпольем, например с Таганцевской организацией¹⁰⁸. Он принимал участие в работе Национального центра, руководил газетой «Новая русская жизнь». С конца 1920 г. Д.Д. Grimm состоял представителем Главнокомандующего Русской армией генерала барона П. Н. Врангеля и парижского Сопровождающего послов¹⁰⁹. «Однако наладить сколько-нибудь нормальные отношения с финляндским правительством, утратившим после падения Крымского фронта всякий интерес к поддержке таковых, не удалось», – сетовал он несколько лет спустя¹¹⁰.

Д. Д. Grimm, как и многие эмигранты, поначалу был убежден в недолговечности большевистского режима, а значит, и верил в скорое возвращение на Родину. Но ход событий заставлял корректировать планы. Потому он писал К. Н. Гулькевичу в конце июня 1920 г.: «До начала 1920 года русская эмиграция в Финляндии жила надеждою на скорое освобождение Петрограда от большевиков. Мысль всех была фиксирована на подготовке боевой победы. Далеко вперед никто не заглядывал, полагая, что нужно только продержаться месяц или два, пока сила большевиков не будет сломлена, и беженцы не вернуться на родину»¹¹¹. Теперь и ему предстояло включиться в решение вопросов беженцев, регулярно информируя о своих действиях Совет послов¹¹². В декабре 1920 г. к нему присоединится сын Иван. Еще недавно он сражался в рядах Вооруженных сил Юга России, затем, после их разгрома, в январе 1920 г. был эвакуирован из Одессы на английском корабле в Константинополь. Беженские скитания ненадолго привели его в Болгарию, откуда он уже вскоре уехал на север, в Хельсинки, желая помочь отцу. По некоторым сведениям, Иван Grimm совершал тайные поездки в Петроград и Кронштадт для подпольной работы¹¹³.

В 1922 г. газета «Новая русская жизнь» из-за нехватки средств прекратила свое существование. Недавний крах Кронштадтского восстания и разгром антибольшевистского подполья в Петрограде не внушал оптимизма. Д.Д. Grimm понял, что его дальнейшее пребывание в Финляндии теряло всякий смысл, и он решил вернуться к профессорской деятельности. По некоторым сведениям, он уехал сначала в Париж, а затем в Берлин¹¹⁴. Правда, пребывание там оказалось недолгим. Grimm был приглашен на работу в Прагу, где как раз разворачивалась «Русская акция» чехословацкого правительства, беспрецедентная программа помощи эмигрантам из России, инициированная президентом Томашем Масариком (Tomáš Garrigue Masaryk; 1850–1937). Большое внимание в рамках нее отводилось поддержке русских ученых и студентов, что обеспечило превращение Праги в интеллектуальную столицу зарубежной

¹⁰⁷ Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.49 p.

¹⁰⁸ См.: Черняев В. Ю. Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда // Нансеновские чтения 2008. СПб., 2009. С. 17–38; Мусаев В.И. Политические организации российской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. // Зарубежная Россия. 1917–1939. Кн. 2. СПб., 2003. С. 84–86.

¹⁰⁹ О взаимоотношениях Д. Д. Grimma и П. Н. Врангеля см.: Росс Н. Врангель и кронштадтцы // Грани. 1987. № 143. С. 192–219; Письмо Д. Д. Grimma П. Н. Врангелю от 4 октября 1921 г. (из архива Гуверовского института войны, революции мира) // Введ., подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1996. Кн. 7. С. 106–113.

¹¹⁰ Hoover Institution Archives, Stanford University. Mariia Dmitrievna Vrangeli' Collection, 1915–1944. Box 16. Fold. 30.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 56. Л. 2 об.

¹¹² ГАРФ. Ф. 6851. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–9.

¹¹³ Grimm Иван Давидович // Русская Эстония: общедоступный, энциклопедический, постоянно пополняемый справочник. URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Гримм_Иван_Давидович (дата обращения: 24.07.2017).

¹¹⁴ Сведения о пребывании Д.Д. Grimma в Париже и Берлине встречаются в некоторых биографических статьях, однако в архивных материалах пражской полиции указаний на это нет. Впрочем, в 1922 г. профессор отметился публикацией статьи в эмигрантском берлинском сборнике: Grimm Д.Д. Проблема вещных и личных прав в древнеримском праве // Труды русских ученых за границей. Берлин, 1922. Т. 1. С. 22–63.

России, создание и развитие там эмигрантской научной инфраструктуры. Документы полиции свидетельствуют, что в чехословацкую столицу Д.Д. Гримм и его близкие прибыли 7 июля 1922 г.¹¹⁵

Приехавшие в Чехословакию ученые получали индивидуальные стипендии от правительства республики. Размер их варьировался в зависимости от прежнего статуса. Все ученые делились на три группы: к первой группе относились штатные профессора российских высших учебных заведений, имевших научную известность и преподавательский опыт, ко второй – экстраординарные профессора и приват-доценты, к третьей – молодые ученые, вынужденные прервать научную карьеру из-за революции, Гражданской войны и эмиграции, а также лица, готовящиеся к получению ученой степени¹¹⁶. Д.Д. Гримм был причислен к первой категории, ему было назначено ежемесячное жалование в размере 2.100 чешских крон и дополнительных 300 крон на жену¹¹⁷. Этих денег было вполне достаточно для нормальной жизни. Правда, семье профессора поначалу пришлось столкнуться с трудностями, вызванными остротой квартирного вопроса в перенаселенной Праге. Некоторое время она была вынуждена жить в общежитии «Свободарна» на Либени, специально переделанном городскими властями для размещения русских преподавателей и студентов. Оно считалось благоустроенным, поскольку имело электрическое освещение и центральное отопление. Ученые и члены их семей жили в специально отведенном коридоре с маленькими квартирками. Но, конечно, условия жизни оставались трудными¹¹⁸. Осенью 1926 г. Д. Д. Гримм вместе с супругой переехал в освободившуюся после отъезда из Праги П.Б. Струве квартиру в специально построенном знаменитом «Профессорском доме»¹¹⁹. Причем помог ему в этом чехословацкий общественный и политический деятель, видный русофил Карел Крамарж (1860–1937).

Давид Давидович Гримм с первых дней в Праге принимал активное участие в жизни русской диаспоры. Профессор стал заместителем председателя Русской учебной коллегии, созданной до его приезда в декабре 1921 г. и призванной оказывать академическую помощь учащейся молодежи. Она «контролировала достижения русских студентов и обсуждала также вопросы, касающиеся пребывания русских ученых и студентов в Чехословацкой республике»¹²⁰. Коллеги выполняла одновременно функции научно-исследовательской организации, которая в 1924 г. начала издавать свои «Записки» по трем сериям (гуманитарные естественные, математические и технические науки)¹²¹. Гримм опубликовал на их страницах одну из своих первых работ пражского периода¹²².

Он также вошел в состав Русской академической группы в Чехословакии, образовавшейся осенью 1921 г. По признанию создателей, группа ставила задачей укрепление связей русских исследователей с учеными из других стран, научную подготовку молодых людей, «посвящающих себя по окончании высшего образования занятиям науки, и нуждающихся для

¹¹⁵ Národní archiv České republiky. Fond «Policejní ředitelství Praha II – všeobecná spisovna – 1921–1930». Kart. 837. Sign. G 908/13 Grimm David; Fond «Policejní ředitelství Praha II – evidence obyvatelstva». Sign. David Grimm 1864; Sign. Ivan Grimm 1891.

¹¹⁶ Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 51.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 127. Л. 17. Несколько хуже было положение его сына Ивана, которому по особому решению министерства иностранных дел ежемесячно начислялось 1.100 крон и по 150 крон на жену и ребенка (Там же. Л. 18).

¹¹⁸ Копрживова Л. Российские эмигранты во Вшенорах – Мокропсах – Черношицах (двадцатые годы 20-го века) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000. Прага, 2002. С. 6; Из бесед с русскими эмигрантами. Екатерина Александровна Максимова, урожд. Кизеветтер // Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1. Прага, 2011. С. 395–396; Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге. С. 75–84.

¹¹⁹ Archiv Národního muzea. F. Karel Kramář. Kart. 19. Inv. č. 961. ANM. 2–5–710–711.

¹²⁰ Novikov M. Organizační činnost ruských učenců v ČR // Записки Научно-исследовательского отделения Русского свободного университета. Прага, 1938. Т. VIII (XIII). № 51. S. 51.

¹²¹ Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 9.

¹²² Гримм Д.Д. Основные предположения и задачи социальных наук // Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией. 1924. Т. I. Вып. III: Общественные науки. С. 29–73.

прохождения учебно-ученого искусства вне своей университетской обстановки в таком руководстве, которое бы соответствовало русским требованиям и традициям¹²³. Первым председателем Академической группы был избран П.И. Новгородцев, а пост почетного председателя занял А. С. Ломшаков¹²⁴. Товарищем председателя стал Д.Д. Grimm, секретарем – В. И. Исаев, казначеем – А. П. Фан-дер-Флит, членами правления – С. В. Завадский, Г. В. Вернадский и И. Д. Жуков. Одним из главных направлений работы Академической группы была научная аттестация, выражавшаяся в присвоении ученых степеней и званий. Известно, что 3 июня 1923 г. именно Grimm руководил процессом защиты диссертации Г. В. Флоровского «Историческая философия А. И. Герцена» на соискание ученой степени магистра философии¹²⁵.

В октябре 1922 г. в качестве представителя Русской академической группы в Чехословакии Д.Д. Grimm принял участие во Втором съезде русских академических организаций за границей, проходившем в Праге. По его итогам профессор был избран в состав правления Союза русских академических организаций за границей¹²⁶. На этом съезде, кроме прочего, было решено создать в чехословацкой столице Русский институт. Он начал свою работу ровно через год, и Д. Д. Grimm принял в ней участие в качестве приглашенного лектора. В функции института входило осуществление научно-исследовательской и просветительской работы. Первое направление предусматривало проведение научных мероприятий и публикацию результатов исследований, второе – устройство популярных лекций для русской и чешской аудитории¹²⁷. В феврале 1924 г. Д.Д. Grimm прочел публичную лекцию «Русские конституционные учреждения», а в марте – «Государственная дума и Государственный совет»¹²⁸. Тексты их, увы, обнаружить не удалось.

Но едва ли не самой яркой страницей пражского периода жизни Д.Д. Grimma стала его работа на Русском юридическом факультете. В октябре 1921 г. в Праге возникло гуманитарное отделение Высших русских дополнительных курсов, призванное организовывать специальные занятия для русских студентов Карлова университета. Его председателем стал профессор П. И. Новгородцев, а секретарем – профессор Н.Н. Алексеев. В начале 1922 г. гуманитарное отделение было разбито на секции – историко-филологическую и юридико-экономическую. В последней секции начал преподавать Д.Д. Grimm¹²⁹. Тогда же возникла мысль о преобразовании юридико-экономической секции в самостоятельное высшее учебное заведение. Так 14 февраля 1922 г. было принято решение о создании Русского юридического факультета, торжественное открытие которого состоялось 18 мая 1922 г.¹³⁰ Его основатели подчеркивали, что

¹²³ Národní archiv ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 80. Kart. 6

¹²⁴ В 1922 г. П.И. Новгородцев сложил с себя полномочия председателя в пользу П. Б. Струве. После его отъезда из Праги в 1924 г. Русскую академическую группу возглавил Е. В. Спекторский, находившийся на этом посту до 1927 г., когда его сменил В. А. Францев (Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 37).

¹²⁵ Národní archiv ČR. F. Komitét pro umožnění studia ruským a ukrajinským studentům v ČSR. Inv. č. 125/1. Kart. 16

¹²⁶ Ковалев М.В. «На этих съездах мы растем и в своих, и в чужих глазах». Из истории научных коммуникаций русской эмиграции (1921–1930) // Россия XXI. 2013. № 5. С. 87.

¹²⁷ Ковалев М.В. Русский институт в Праге (1922–1938 годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 121–134.

¹²⁸ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-FLOOR. Krab. IV. Přednášky v ruských emigrantských institucích v Praze; Лекции Русского института // Огни. 1924. 11 февраля. № 6; Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Praha, 2000. T. I. S. 140, 142.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 1. Д. 4. Л. 25 об.; Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. Прага, 1927. С. 8.

¹³⁰ Литература о Русском юридическом факультете ныне обширна. См. подробнее: Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М., 2000. С. 67–87; Ганин В.В. Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // Юридическое образование и наука. 2005. № 3. С. 37–43; Михальченко С. И., Пономарева В.П. Русские юристы в эмиграции в 1920-е годы (по неопубликованным материалам) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 110–114; Михальченко С. И., Ткаченко Е.В. Преподаватели-обществоведы на Русском юридическом факультете в Праге в 1920-е годы // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI вв. Казань, 2016. С. 57–63; Михальченко С. И. Фонд Рус-

в СССР были уничтожены все правовые основы и прекратилась подготовка юристов. Получение профессионального образования русскими студентами в зарубежных университетах не в силах заменить обучения национальному праву. Поэтому в основу организации факультета был положен университетский устав от 23 августа 1884 г., а следовательно, подготовка специалистов по дореволюционным учебным программам. Эмигранты верили, что выпускники факультета в будущем вернуться в новую демократическую Россию, где смогут использовать полученные ими знания¹³¹. П. И. Новгородцев в приветственной речи 18 мая 1922 г. как раз говорил об этом: «...Открытие Русского юридического факультета есть ставка на Россию, на ее будущее и, наконец, ставка на право»¹³². Однако ориентация на дореволюционную университетскую культуру, соединенная с уверенностью в скором возвращении домой, породила немало трудностей. Главная из них заключалась в том, что юридическое образование, базировавшееся на национальных традициях, за рубежом не сможет быть равноценным получению знаний в местных высших школах. Дипломы факультета не могли быть признаны вне эмигрантской среды. Философ Н. О. Лосский в своих воспоминаниях приводил пример, как один из выпускников факультета организовал краткосрочные малярные курсы. После их окончания дипломированные русские юристы поехали в разные страны, главным образом во Францию, где стали ремесленниками-малярами¹³³.

Первым деканом факультета стал профессор Павел Иванович Новгородцев (1866–1924). Grimm получил кафедру римского права и, помимо того, в декабре 1923 г. возглавил созданное Общество правоведения и общественных знаний. Он начал читать студентам курс истории римского права и догмы римского права¹³⁴. Новгородцев был тяжело болен и 23 апреля 1924 г. скончался. Давиду Давидовичу суждено было стать его преемником. Он был избран деканом факультета 27 мая 1924 г. и впоследствии, в 1925 и 1926 гг., переизбирался на этот пост. В пражской эмигрантской среде он считался живым воплощением университетских традиций. Именно он, наряду с А. А. Кизеветтером, М.М. Новиковым и Е.В. Спекторским (двое последних также были бывшими ректорами – Московского и Киевского университетов соответственно), был одним из инициаторов празднования Татьянина дня в 1925 г.¹³⁵

Д.Д. Гримму предстояло руководить Русским юридическим факультетом в весьма непростой период. Ввиду невостребованности дипломов число желающих учиться русскому праву по дореволюционным образцам стремительно падало. Известны обращения Гримма к К. Крамаржу с просьбой помочь трудоустроиться русским студентам, оказать визовую поддержку для выезда из Чехословакии¹³⁶. Другой проблемой для факультета стало сокращение финансирования со стороны чехословацкого правительства. Все это породило постепенное свертывание деятельности факультета. В 1925 г. на первый курс было принято 54 студента, а с 1926 г. набор

ского юридического факультета в Праге в Государственном архиве Российской Федерации // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 185–196; *Соловьев А.В., Сытин А.Г.* П.И. Новгородцев и Русский юридический факультет в Праге // Философия политики и права. 2016. № 7. С. 350–358 и др.

¹³¹ Открытие Русского юридического факультета в Праге // Студенческие годы. Прага, 1922. № 1. С. 23; Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923–1924 учебный год. Прага, 1925. С. 10–11; Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 8; *Евсеева Н.В.* Эмигрантская и советская школа 20-х гг. (опыт сравнительной характеристики) // Новый исторический вестник. 2001. № 3. С. 29–42.

¹³² К открытию Русского юридического факультета в Праге: Речь декана юридического факультета профессора П.И. Новгородцева // Студенческие годы. Прага, 1922. № 2. С. 23; Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 9.

¹³³ *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 223.

¹³⁴ *Гримм Д.Д.* Лекции по истории римского права. Прага, 1923. Вып. I–III; 1924. Вып. IV; 1925. Вып. V; Он же. Лекции по догме римского права. Вып. 1: Введение и общая часть. Прага, 1927.

¹³⁵ См.: *Ковалев М.В.* Исторические праздники русской эмиграции как способ сохранения коллективной культурной памяти // Диалог со временем. 2008. № 25/2. С. 132–133.

¹³⁶ Archiv Narodmho muzea. F. Karel Kramar. Kart. 19. Inv. c. 961. 2-5-703-

был и вовсе прекращен. Последний выпуск был запланирован на весну 1929 г.¹³⁷ На годовичном акте 18 мая 1927 г. декан Grimm с горечью произнес: «Культурная работа на наших глазах обрывается, и вновь судьба нам напоминает, что – пока не будет великой России – мы осуждены на жизнь и скитания в роли вечных Агасферов, которые никому не нужны, и которых никто понять не желает, да и не может по-настоящему понять»¹³⁸.

Не видя перспектив и дальше оставаться в Праге, Grimm стал искать новое место работы. Здесь следует сказать, что еще в 1920 г. ему, благодаря хлопотам профессора-юриста Игоря Матвеевича Тютрюмова (1855–1943), пришло приглашение из Тартуского университета. Находясь в Хельсинки, Д.Д. Grimm получил известие, что Совет университета 14 апреля 1920 г. избрал его ординарным профессором римского права, а 1 июня 1920 г. министр народного просвещения Эстонской республики утвердил его в этой должности¹³⁹. Новость для ученого оказалась совершенно неожиданной. В тот момент он еще надеялся на свержение большевиков и принимал активное участие в общественной деятельности. Поэтому от любезного приглашения пришлось отказаться: «...я никогда не изъявлял согласия на избрание меня профессором Дерптского университета (подчеркнуто в оригинале – *М. К.*), <...> я лишен возможности принять названную должность, о чем я уведомил профессора И. М. Тютрюмова, которому я подробно об этом написал. Принося университету благодарность за оказанную мне честь, могу лишь выразить сожаление по поводу прошедшего недоразумения, к которому я не подавал повода»¹⁴⁰. Теперь же, семь лет спустя, Д.Д. Grimm вернулся к эстонскому предложению.

О его назначении в январе 1927 г. вновь ходатайствовал И. М. Тютрюмов, который писал декану юридического факультета, что «Г[осподин] Grimm по справедливости считался лучшим романистом в России... Он известен и своими научными трудами по истории и системе римского гражданского права»¹⁴¹. В начале 1927 г. Д. Д. Grimm согласился занять вакантную кафедру римского права на юридическом факультете Тартуского университета, в стенах которого когда-то началась его преподавательская карьера. «...Я с благодарностью принимаю избрание меня ординарным профессором на вакантную кафедру системы римского права в Дерптском университете», – писал он в Эстонию 29 января 1927 г.¹⁴² 15 марта 1927 г. Совет Тартуского университета избрал Grimma ординарным профессором, а 28 марта министр приказом № 32335 утвердил его в этой должности с разрешением в течение 5 лет вести занятия на немецком и русском языках, поскольку профессор совершенно не знал эстонского языка¹⁴³. В начале сентября 1927 г. Д. Д. Grimm, его жена Вера Ивановна, сын Иван с супругой Марией Владимировной и сыном Константином, а также няня Степанида Кузьминична Кузьмина, служившая в доме профессора свыше 30 лет и добровольно последовавшая за его семьей в эмиграцию, прибыли в Тарту¹⁴⁴.

Новая среда тепло приняла профессора. Он начал читать лекции по римскому договорному праву и вести практические занятия по системе римского права. Кажется, что Grimm наконец обрел долгожданный покой. В январе 1931 г. он с юмором писал своему младшему коллеге Петру Александровичу Остроухову (1885–1965) в Прагу: «Лично мы живем по-ста-

¹³⁷ *Andreyev C., Savicky I. Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918–1938. New Haven – L., 2004. P. 91.*

¹³⁸ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. С. 3–4.

¹³⁹ *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.3a,4.*

¹⁴⁰ *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.6*

¹⁴¹ *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.15.*

¹⁴² *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.12.*

¹⁴³ *Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.19* p. Свои исследования в эстонский период жизни Д. Д. Grimm будет публиковать в основном по-немецки: *Grimm D. D. Zur Frage über den Begriff der Societas im klassischen römischen Rechte // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). Tartu, 1933. В. Humaniora. Т. XXX. P. 1–87; Eadem. Die sociologischen Grundlagen des römischen Besitzrechts // Studi in onore di Salvatore Riccobono nel XL anno del suo insegnamento. Palermo, 1936. Vol. IV. P. 173–200.*

¹⁴⁴ *Rahvusarhiiv Tallinnas. ERA. 14.12.4375.11; Rahvusarhiiv Tartus. EAA. 2100.2.150.28–28* p.

рому, как полагается в фортеции: мы в фортеции живем, хлеб едим и воду пьем, – только без дальнейшего продолжения этой солдатской песни: картечи не хватает»¹⁴⁵

---

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 171. Л. 1 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.